

11003007
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені М.П. ДРАГОМАНОВА

СИСТЕМА І СТРУКТУРА

СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ:

ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО

Збірник наукових праць

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

КИЇВ
ЗНАННЯ УКРАЇНИ
2006

29086882
115
115
115

Образотворчі
Мистецтва

Редакційна колегія:

В.І. Гончаров, канд. філол. наук, професор (відповідальний редактор);
А.М. Григораш, канд. філол. наук, доцент (відповідальний секретар);
М.Я. Брицин, докт. філол. наук, професор;
Л.П. Іванова, докт. філол. наук, професор;
Ф.О. Нікітіна, докт. філол. наук, професор;
Н.І. Озерова, докт. філол. наук, професор;
М.Я. Плющ, докт. філол. наук, професор;
О.О. Тараненко, докт. філол. наук, професор;
Л.С. Віннічук, канд. педагог. наук, доцент;
О.І. Дашенко, канд. філол. наук, доцент;
М.П. Дворжецька, канд. філол. наук, професор;
Т.І. Плужнікова, канд. філол. наук, доцент;
Т.В. Слободянюк, канд. філол. наук, доцент;
М.М. Тягунова, канд. філол. наук, доцент;
Н.В. Хруцька, канд. філол. наук, доцент.

Рецензенти:

Н.Л. Іваницька, докт. філол. наук, професор;
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук;
Т.Ю. Ковалевська, докт. філол. наук;
Л.М. Полюга, докт. філол. наук, професор;
О.А. Сербенська, докт. філол. наук, професор.

С40 Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Знання України, 2006. — 316 с. Бібліогр. в кінці ст. — Укр., рос.
ISBN 966-7201-26-0

У збірнику вміщено наукові праці докторантів, аспірантів, професорсько-викладацького складу мовознавчих кафедр Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова та інших вузів України з актуальних проблем східнослов'янського мовознавства. Тематика статей охоплює питання граматичної будови і лексичного складу східнослов'янських мов, етимології і словотвору, історії і взаємодії мов, культурології і стилістики. Об'єктом лінгвістичного аналізу виступають структурні одиниці різних рівнів мовної системи. У полі зору мовознавців питання фонетики, морфології, синтаксису, лексикології, термінології та лексикографії.

Для викладачів, аспірантів, студентів філологічних факультетів, учителів української та російської мов середніх шкіл та гімназій.

ББК 81.2я43

ISBN 966-7201-26-0

© Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, 2006
© Автори статей, 2006

воздействия андрогенов на начальной стадии развития эмбриона, а также влияния некоторых социокультурных факторов).

Представителям мужского пола, в большинстве случаев, не удалось сохранить эффект языковой игры в переводном тексте. При переводе данного лингвистического феномена они концентрируют свое внимание на семантической стороне языковых единиц и стараются придерживаться исходного текста. Данная стратегия перевода языковой игры чаще всего приводит к ее устранению в переводном тексте. Однако в тех случаях, когда происходили попытки ее передачи, это осуществлялось не за счет обыгрывания и поиска возможных комбинаций уже известных языковых знаков (как это происходило у представительниц женского пола), а за счет создания новых слов и словосочетаний. Данная специфика языковой личности мужчины может быть связана с такой его психофизиологической особенностью, как поиск новых неординарных решений поставленных задач, способностью отказываться от стереотипных методов осуществления цели.

Таким образом, в общем, результаты исследования свидетельствуют о меньшей степени лингвокреативности мужской языковой личности (независимо от направленности мышления) по сравнению с женской, тем самым подтверждая факт существования гендерных различий в самовыражении языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.
2. Гусева Л.П. Номинативно-прагматические свойства высказываний со значением самоутверждения в речи детей и подростков (на материале современной англоязычной художественной прозы): Автореф. дис. канд. филол. наук. — К., 1987.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. — Смоленск, 1997.
5. Пиз А., Пиз Б. Язык взаимоотношений. Мужчина женщина. — М., 2000.
6. Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland & Through the Looking-Glass, Hertfordshire, 2001

Т.М. Полякова

УКРАИНСКИЙ ЛИНГВОКОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО ВОССОЗДАНИЯ УКРАИНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале произведений В.Г. Короленко)

Русский писатель и публицист Владимир Галактионович Короленко (1853-1921) принадлежит к числу тех немногих, но ярких мастеров пера, родившихся в Украине, имеющих украинские корни и оригинально представляющих в своем творческом наследии симбиоз украинской и русской культур.

Известные общественные деятели не менее известного, революционного, периода истории аллегорически отмечали, что «колыбель Короленко стояла по соседству с волшебной страной Гоголя» [1, IV]. События детских и юношеских лет (писатель родился в Житомире, в семье уездного судьи, происходившего из старинного рода украинских казаков, многие годы провел на живописной Волыни, учился в г. Ровно, говорил на польском и украинском языках, любил украинские сказки и стихи Т.Г.Шевченко) дали В.Г. Короленко богатый материал для многих его произведений («Лес шумит», «Судный день», «В дурном обществе», «Парадокс», «Слепой музыкант», «История моего современника» и др.).

Продолжая и развивая литературные традиции великого Гоголя, В.Г. Короленко создал свой живописный, многогранный и цельный образ родного края. Описание сказочно-волшебной Украины особенно удалось писателю

в двух рассказах — «Лес шумит» (полесская легенда, 1886) и «Судный день» (или малорусская сказка, 1890). Два произведения широко отражают природу украинской земли, быт и жизнь украинских крестьян, имеют тот общий стилизованный национальный фон, на котором развиваются события сказочно-исторического характера.

Традиционные части художественного текста (речь героев и нейтрально-авторская речь) различаются незначительно в отношении наполнения украинским лингвокомпонентом. В.Г. Короленко выступает своего рода «закулисным» действующим лицом, «лирником» украинской действительности, широко представляя читателю богатство близкой и понятной ему лингвокультуры. Лишь указательные местоимения, междометия, вводные слова, грамматические конструкции украинского языка, фразеологизмы и элементы, характерные для устной речи, в том числе бранные выражения и т. п., относятся исключительно к высказываниям героев. Украинская графика используется только при передаче речи персонажей и фольклоризмов. Эта особенность присуща всем произведениям В.Г. Короленко, в которых он обращается к украинской тематике, но в большей мере — к рассказам «Лес шумит» и «Судный день». Так, писатель воспроизводит полесскую легенду устами украинского лесника, прямая речь и «нейтральный» текст принадлежат повествующему герою. В то же время за каждой частью изложения незримо присутствует сам автор, вступающий в диалог со «своим персонажем» и также использующий в своих высказываниях украинские языковые элементы.

Рассказ «Лес шумит», содержащий драму, основанную на социально-семейной почве и развивающуюся среди «первозданной» природы в определенный исторический период, написан с привлечением невероятно большого синтаксических количества украинизмов различных лексико-семантических групп, грамматических конструкций украинского языка, элементов фольклора и разговорной речи, с разнообразной авторской «подачей» — оформлением перечисленных компонентов. Органически переплетаются два восточнославянских языка, один плавно переходит в другой, украинские экзотизмы и вкрапления не воспринимаются русскоязычным читателем как чужеродная лексика.

Использование лексических украинизмов помогает писателю воссоздать прошлое украинского народа — романтическое время запорожцев, гайдамачины, то время, когда смело гуляли *козаки* по большим дорогам и *панским* усадьбам. Поэтому текст изобилует украинскими глаголами «*гайдамачить*», «*козаковать*», а также «*пановать*», украинской культуремой «*Запорожская Сечь*», соответствующими номинациями лиц по социально-историческому статусу: «...у Опанаса отцы и деды *запорожские козаки* были, в *Сечи козаковали*» [1, 110]; «Такая *козаку* судьба на роду была написана: отцы *гайдамачили*, и ему то же на долю выпало» [1, 114]; «А вырос *паныч*, сам стал *пановать*» [1, 111]. Помимо глаголов, номинирующих исторические реалии, употреблены глагольные формы повседневных действий и состояний: *вечерять* («ужинать»), *прокинуться* («проснуться»), *занедужиться* («заболеть»), *лаяться* («ругаться, браниться»).

В.Г. Короленко рисует картину крестьянско-деревенского быта в Украине. Прежде всего — это *хата* с *мазаными* стенами (неизбежный атрибут украинского жилища), а в ней — *каганец*, *горелка* и *чарка*, военные принадлежности (*рушница*, *списа*), хозяйственные предметы (*канчуки*, которые в некотором роде использовались и как охотничьи, и как военные), музыкальные национальные инструменты (*бандура*). Символическое, природное окружение *хаты* — *деревина*, *пташина*. Обитатели *хаты* представлены украинскими наименованиями родственных отношений, возрастной категории (*батько*, *жинка* — в зн. «жена»,

дытына, хлопчик, хлопчина, хлопец, парубок) с их собственными национально-колоритными именами (Опанас Швидкий, Ромась, Мотря и т.д.); именами лиц по классовой принадлежности в неизменной паре двух ярко выраженных социальных крайностях: небога, крепак и пан (пани, паныч), с бесчисленным количеством словосочетаний с производным адъективом от последнего (панская птица, панский род, панское слово, панские руки, панская горелка, панский крепак, панский конь, панская собака, панская усадьба, панские хоромы и др.).

Прямая речь персонажей включает национально-специфическую для украинского языка грамматическую форму — звательный падеж, выражающий по своему значению форму обращения, образованную от нарицательных и собственных имен (козаче, хлопче, хлопчику, братику, деду, голубонько, пане, Ромасю, Оксано). Украинская звательная форма фиксируется во многих произведениях В.Г. Короленко, которые воспроизводят диалог украинских героев (например, в «Судном дне»: мамо, мамонько, доню, ясочко, небораче, громадо, Галю, Олено и т. д.). Параллельно, подчеркивая общность развития восточнославянских языков, писатель вкладывает в уста действующих лиц древнерусские формы обращения типа человекче, отче («Судный день»), т.е. привлекает сохранившиеся в произведениях устного народного или литературно-поэтического (в качестве элементов стилизации) творчества «остаточные» формы звательного падежа, утрата которого русским языком отмечается в памятниках письменности с начала XI века [2, 124].

Противоречие человеческого бытия выражено парой украинских лексем добре и лихо. В рассказе украинское «лихо» представлено в двух своих грамматических функциях — в качестве наречия и в качестве существительного: «Вот видит пан, что ему лихо» (в значении «плохо», «худо»); «Вражий козак лихо задумал» (в значении «зло») [1, 113]. Украинизм выполняет в тексте стилистическую функцию и помогает избежать лексических повторов: «Ну, только надо о нем правду сказать: он зла не делает... Пошутить с человеком, пошутит, а чтоб лихо делать, этого не бывает» [1, 108].

Лексемы чуб и чуприна («чуб... 2. В старину у запорожцев и украинских казаков: длинный клочок волос, оставленный на бритом темени»; «чуприна... То же, что чуб во 2 знач.» [СРЯ, 770, 772]) — обязательные номинации, создающие образ украинского казака. Однако они служат и определенными символами в обозначении ситуации «лиха», «сумы», недомогания или же «провины». В горе козак «свесит чуприну», провинившегося — «схватят за чуба», «выдерут чуприну». Например: «Один старый Богдан сел в углу на лавке, свесил чуприну»; «Смотри ты, вражий козаче, ты меня не дразни, а то я, пожалуй, и за чуприну схвачу» [1, 111]; «...Роман его захватил, да прямо за чуб, да об землю» [1, 113].

Украинизмы отмечаются в группе абстрактной лексики. Наиболее распространенный — рада («совет»): «раду держать», «разумную раду слушать». Например: «— А пускай же, — говорит, — черти на том свете учат такого человека, который разумную раду не слушает» [1, 113].

Постановка на ряде украинизмов ударения (с целью правильного прочтения русскоязычным читателем) является для автора своеобразным графическим средством выделения «чужеродных» лексем и их грамматических форм: Ромасю, квілит, небога, дытына, дытыну, пташина, раду, батьків, каганец, вечерять, канчуками, канчуков.

Произведение содержит украинские словосочетания (некоторые из них поданы как оригинальные вкрапления) — «мизерный хлопчина», «вражий козаче», «бісові діти», «мала дытына»; служебные части речи — «геть-геть», «лишенько», «чи» (в значении «ли»), «край» («у, около»). В совокупности

с украинскими грамматическими конструкциями («до моей жинки», «живучи в лесу», «дуба трогает на поляне», «сготовь постелю»), фразеологизмами и устойчивыми выражениями, оформленными как русской графикой, так и украинской («съехать с глузду», «на какого же біса»...), они усиливают «малорусский» колорит, придают тексту поэтичность и мелодичную плавность.

Распространенный прием выделения инокультурного компонента в рассказе — визуальный, предполагающий заключение украинской лексемы в кавычки с постепенным их опущением (по мере раскрытия значения номинации через контекст, многократное употребление слова и его грамматических форм). Например: «Перестанет, бывало, плакать и начнет его нехорошими словами лаять». Ну, Роман на нее не сердился. — Да и что же ты, — спрашивает, — лаешься?.. ты все же брось голосить, а то я осержусь... Вот Оксана полает, полает его, да и перестанет» [1, 110]. Выделение слова графосемантическими средствами определяет его принадлежность к иной лингвокультуре (т. е. украинской): так, из целого ряда семантически близких русских номинаций (*браниться, ругаться, разг. лаяться, перебраниваться* и т. д.) В.Г. Короленко выбирает единицу, присущую и украинскому языку. Значение лексемы в кавычках может поясняться имеющимся в предложении противопоставлением: «Другие, известное дело, панские «крепаки», боятся, а он — вольный человек, козацкого рода» [1, 112]. Семантика украинизма, выделенного кавычками и без них, раскрывается писателем посредством авторской сноски. Такие лексемы относятся к различным лексико-тематическим группам, например: «— Сыпьте ж ему, — говорит пан, — в мотню*, сколько влезет... *Холопы носят холщевые штаны, вроде мешка, раздвоенного только внизу. Этот-то мешок и называется «мотнею» [1, 109]; «Да ты сам, хлопче, подумай: на коне ли со «списой»* по полю птицей летать, или топором дерево рубить, это ж не одно дело... *«Списа» — копьё» [1, 110]; «Вскоре в лесной избушке все смолкло. Тускло светил угасающий каганец*, да сверчок звонил свою однообразно-крикливую песню... *Каганец — черепок, в который наливают сало и кладут свечильню» [1, 115]. Таким способом поясняется и значение популярного украинского фразеологизма: «Посмотрел Роман на козака и спрашивает: — А ты, козаче, часом «с глузду не съехал?»*... *«С глузду съехать» — сойти с ума» [1, 111].

Следует отметить, что органическое переплетение двух языков удается В.Г. Короленко, на наш взгляд, благодаря использованию ряда старославянских слов (т.е. общих в прошлом для восточнославянской группы, а в настоящее время являющихся устаревшими для русского языка и широкоупотребительными, «современными» — для украинского), что помогает передать дух «старины» и служит благоприятным стилистическим фоном для «мягкого сочетания» двух языковых культур (*осердиться, сготовить* — в зн. «приготовить»; *покинуть* — в зн. «бросить»; *чуять* — в зн. «чувствовать»; *добрый* — «хороший, отменный»; *лихо* — «зло, горе, беда»; *ворог, вражий, лютый, коли* — «если», «когда»; *посереды/середь; пташка; очи; молодица; человек* и др.). Вот цитата показательного в этом плане отрывка: «А Оксана в углу у печки стала, глаза опустила, сама покраснелась вся, как тот мак середь ячменю. Ох, видно, чуяла небога, что из-за неё лихо будет. Вот тоже скажу тебе, хлопче: уже если три человека на одну бабу смотрят, то от этого никогда добра не бывает — непременно до чуба дело дойдет, коли не хуже. Я ж это знаю, потому что сам видел. — Ну, что, Ромасю, — смеется пан, — хорошую ли я тебе жинку высватал?» [1, 111].

В историко-романтической легенде упоминаются знаковые культуремы — собственные наименования украинской местности, больших и малых насе-

ленных пунктов (*Полесье, Умань, Чигирин, Полтава, Киев, Черкасы*), которые прославились «небывалой» игрой «старых козаков-бандуристов».

В рассказе «Судный день» украинский лингвокомпонент более, чем в каких-либо других произведениях В.Г. Короленко, представлен во всех категориях и формах, он в полной мере «насыщает» русскоязычный текст, погружая читателя в жизнь украинского села и культуру обитателей западноукраинского края. Лексические украинизмы способствуют правдивому отображению национального характера героев, исторических черт жизни того времени, помогают писателю раскрыть идею сюжета. Повествование передано в форме сказки (что и указано во втором наименовании — «Иом Кипур»/Малорусская сказка). Выбранный жанр предполагает использование характерных для него элементов устной речи, поэтических куплетов (песенно-фольклорных компонентов), номинаций национально-стилизованного плана. В рассказе ярко передана специфика простонародного украинского быта, присутствует описание культурно-бытовых реалий еврейских общин, живущих в Украине (цель произведения — выразить в художественной форме свой взгляд на антисемитизм, особенно обострившийся в 90-е годы XIX века). Писатель погрузился в определенную историческую эпоху — самобытную жизнь двух народностей с их сохранившимися в ту пору национальными особенностями и противоречиями натур.

События развиваются на широком пространственно-природном фоне бескрайнего украинского поселения, где знаковыми объектами выступают *шлях, став (постав), очерет, вишенья* в окружении бесчисленных *яворов* и *тополь* (*явор* — преобладающее в Украине название «белого клёна»; *тополь* — рус. «тополь»): «...звон затихает в поле, а самому кажется, будто кто невидимка бежит по *шляху* и стонет» [1, 243]; «Перед вечером все моются в речке или на *ставах...*» [1, 239]; «Дорога потемнела.., в *очеретах* бухнул сердито бугай» [1, 259]; «...долго ещё белела узорная сорочка, — белела на черной тени под *вишеньем...*» [1, 242]; «сонная речка бормочет что-то надбережным *яворам*» [1, 236]; «и пошёл огородом.., край села, под высокою *топoley*» [1, 240].

Помимо *хаты*, колоритного наименования украинского крестьянского дома, в тексте фигурируют украинизмы другого рода: *шинок, корчма* — «питейные заведения» украинского села, являющиеся составной частью фабулы. Автор употребляет лексемы с уменьшительными суффиксами — *хатка, шиночек, садочек*, передавая тем самым не только лиричность языка жителей «Украины», но и тончайшие нюансы украинской души. Наличие и активное использование подобных языковых средств в определенной лингвокультуре (присоединение уменьшительно-ласкательных суффиксов к неодушевленным предметам) отражает потребность индивидуума (в нашем случае — украинца) в выражении самого хорошего отношения к миру, характеризует носителя языка как эмоциональную и любящую личность [3, 153]. Например: «И скажи ты мне после этого, чего только, каких чудес не может случиться вон в этой божьей *хатке*, что люди называют белым светом?» [1, 236]; «Ге! Можно бы и *шиночек*, пожалуй, открыть» [1, 242]; «Вот запертой *шинок*, спящие *хаты, садочки*» [1, 259]. Украинская *хата/хатка* одушевляется писателем, метафорически возводится в ранг миникосмоса (*божья, родная, спящая* и т.д. *хата*).

Действующие лица в произведении представлены во всех разновидностях. Это украинские номинации родства (*батько, дядько, доня*), по половой принадлежности и возрасту (*молодица, парубок*), по роду занятий, что определяет и социальный статус (*шинкарь, подсыпка*), по социальному положению (*пан, подпанок* и *неборак, небога, наймит*), наименования, негативно характеризующие человека по особенностям поведения и относящиеся к эмоционально-выразительным украинизмам (*пройдисвет* — рус. «проходимец,

пройдоха», *лайдак* — рус. «бездельник, мерзавец»), общие наименования представителей рода человеческого (*человяга*), эмотивно-оценочные номинации, в том числе метафорические, уменьшительно-ласкательные (*кралечка, зозуленька, ясочка*), наименования-обращения к служителям церкви (*панотче, пани-матко*). Перечисленные лица носят выразительные украинские имена (подсыпка *Гаврило / Гаврилко*, наймит *Харько*, дядько *Омелько*, *Опанас, Филиппко, Макогон, Макогоненко, Трегубенко, Мотря, Олена, Прися*).

Рисую картину бытия украинского народа в XIX веке, В.Г. Короленко подчеркнул, что ведущую роль в жизни села играл исторический общественный орган — *громада* (рус. «сельская община», «сельский сход», «мирская сходка» или «собрание крестьян»). Украинская культурема неоднократно упоминается в тексте рассказа, писатель оригинально раскрывает русскоязычному читателю ее семантику: образно (прибегая к использованию синекдохи), описанием общественных функций «собрания», употреблением составных производных-обращений, выявляя тем самым значимость украинской реалии. Представители *громады* — «*громадские* люди»; номинация *громадяне* (рус. «граждане») имеет в тексте значение, синонимичное значению словосочетания с адъективным производным. Например: «... Под вечер, когда *громадские* люди стояли у пустой корчмы и разговаривали о том, кто теперь будет у них шинковать и корчмарить, — подошёл к ним батюшка и, низенько поклонясь всем (*громада* — великий человек, пред *громадою* не грех поклониться хоть и батюшке), начал говорить о том, что вот хорошо бы составить приговор и шинок закрыть на веки вечные» [1, 249]; «Вот вдова Янкеля и просила..., чтобы *господа-громадяне* согласились отдать хоть по полтине за рубль..., чтоб им всем сиротам не подохнуть с голоду да как-нибудь до городу добратся»; «Ну, *панове-громадо*,... уж от меня не дождетесь... Вы мне этак в кашу не наплюёте...» [1, 248]; «*Громадяне* усмехнулись себе в усы, а батюшка только плюнул от великой досады...»; «...мельник задумал сам корчмарить... А задумавши, поговорил хорошенько с *громадою*...» [1, 249].

Шинок и *корчма* являются в сказке предметом конфликта, связанного с торговлей и «наживой», поэтому в тексте выделяются соответствующие лексико-тематические группы украинизмов, использование которых целесообразно для придания сюжету национальной специфики. Это наименования денежных единиц и их меры (*гроши* — в зн. «деньги», *грошики, грошенята, карбованцы, копа*), номинация, указывающая на прибыль, доход от последних (*прибыток*), предметы, относящиеся к корчме и шинку — *чарка, чарочка, горелка*, а также мера разлива *горелки* — *кварта*. Например: «Хитрый народ, ой хитрый же! — подумал про себя мельник. — Умеют и богу своему угодить и *грошей* не упустят» [1, 237]; «За рублем каким-нибудь ходишь, ругают тебя и за глаза, да и в глаза не стыдятся, а много ли *прибытку*? — пустяки» [1, 242]; «И стал мельник шинковать в Новой Каменке лучше Янкеля, и стал сдавать людям на выпас свои *карбованцы*...»; «Хоть Янкеля не стало, а шинок все стоял себе на пригорочке и на дверях остались намазанные белой краской *кварта* и жестяной крючок» [1, 249]; «А поднеси *чарочку горелки*, и на пиво не поглядишь?» [1, 258].

В произведении упоминаются такие культурно-бытовые реалии, как предметы одежды и предметы домашнего обихода. Номинации деталей женской «одежи» (*плахта, запаска*) передают образ украинской молодежи, мужского (*свитка, смушковая шапка, чоботы /на дегтю/*) — украинского крестьянина, равно как «заможного», так и бедняка: «А Галя соскочила в одной сорочке с лавки да поскорее *запаску* на себя, да *плахту*» [1, 260]; «...показался подсыпка Гаврило. *Свитка* на Гавриле драная, с одного плеча спущена,

шапка на боку...» [1, 254]; «— Хочешь ты жениться? — Сапогов ещё не сшил. Вот сошью, тогда и подумаю. — А я тебе справил *чоботы* на дегтю. И шапку, и пояс» [1, 247]; «Пошел мельник мимо вишневых садов, глядь — опять будто... в тени белеет высокая *смушковая* шапка...» [1, 251].

Наименования домашних, личных предметов, сельскохозяйственных орудий (*каганец, моканка, скрыня, люлька, рушник, цеп*) воссоздают атмосферу жизни обитателей украинской хаты, посредством таких культурем нередко раскрывается характер героев, актуализируются народные обычаи. Например: «Из сельских людей, кто уже спал, кто сидел при свете *каганцов* в хатах за вечерей...» [1, 236]; «Там, на полу, были разостланы сено и трава, в двойных и тройных светильниках горели тонкие сальные свечи — *моканки*...» [1, 238]; «...придёт срок сгонять их (гроши. — Т.П.) опять в свою *скрыню* вместе с приплодом»; «И даже Харько сидел себе на пригорочке и покуривал *люльку*, выжидая, кого-то бог пошлёт ему в хозяева» [1, 249]; «Умел-таки (мельник. — Т.П.) потрудиться для господ бога; языком как иной здоровенный парубок *цепом* на току молотил, так что даже... очи на лоб полезли» [1, 236]; «— Когда же *рушники* готовить будем? — заговорила девушка, всё ещё держа руки на плечах Филиппа...» [1, 240].

Украинизмы всевозможной тематики, в том числе абстрактные лексемы (*местечко, призьба, купа, мара* — «призрак, видение», *трясця, дурница, вечеря, новина* — разг. «хлеб нового урожая», *чуприна, оченята* и т. д.), создают особый национальный фон — отражают всевозможные стороны быта, насыщают ярким колоритом диалоги, придают рассказу сказочно-демонологический характер и рисуют образ украинских персонажей: «Дрожит от того хохота старая мельница..., в лесу всякая лесная нежить, а в воде водяная — проснулись, забегали, показывается кто тенью из лесу, кто неясною *марою* на воде...» [1, 259]; «Наймит Харько сам слышал не один раз, как после того в *местечке* разносился звук трубы, да такой звонкий, жалобный и протяжный...» [1, 239]; «— Ну, я послушаю, а только смотри, если ты опять *дурницу* понесешь, тогда и не проси ты своего бога...» [1, 252]; «Одна только старая Прися принесла... половину *новины* и отдала за сколько-то грошей» [1, 248]; «— Прощайте вы, карие *оченята*, — вздыхает мельник...» [1, 260].

Украинизмы в «Судном дне» не вытесняют полностью свои русские эквиваленты. Такие синонимы (украинская и русская лексемы) могут употребляться параллельно, даже в одном абзаце или в одном предложении, представляя сопоставление отличных друг от друга формальных элементов двух языковых систем и реализуя познавательную функцию (*хатка* — *избушка*; *призьба* — *заваленка*; *став* — *пруд*; *багно* — *болото*; *шлях* — *дорога, путь*; *тополя* — *тополь*; *шуляк* — *коршун*; *корчма* — *кабак*; *горелка* — *водка*; *карбованец* — *рубль*; *грошенята* — *денежки*; *прибыток* — *выручка*; *чоботы* — *сапоги*; *скрыня* — *сундук*; *лихо* — *горе, беда*; *трясця* — *пихорадка*; *лайдак* — *лодырь*, *бездельник*; *скаженная* — *сумасшедшая*; *отчинить* — *отпереть*; *схапнуть* — *схватить* и др.). Наблюдается частичное перераспределение русской и украинской лексики относительно принадлежности к разным частям текста: украинизмы используются в речи персонажей, им соответствуют русские синонимы в нейтральной авторской речи. Такой прием не является полностью системным, ср., например, употребление лексем *сапоги* и *чоботы* в рамках прямой речи украинских героев (см. иллюстрацию выше, со с. 247, а также далее, со с. 245 — *водка/горелка*), и, напротив, употребление такой пары возможно и в пределах речи автора. Например: «Он постоял, подумал... и пошёл огородом к вдовиной *избушке*, что стояла немного поодаль... *Хатка* была малюсенькая, да ещё сгорбилась и похилилась к земле» [1, 241];

«Дерёте с людей проценты — раз! Людским потом-кровью кормитесь — два... Спаиваете людей водкой — три... Да ещё *горелку* разбавляете водой — четыре!» [1, 245]; «— Стук-стук!.. Эй, хозяин, *отчиняй!* — Не *отчиню!* — А почему так не *отчините?* Мельник приподнял голову... Действительно, внизу у стены спокойно стоял подсыпка... У мельника отлегло от сердца, он сошел вниз и отпер дверь» [1, 246]; «Наймит шёл босиком... и нёс на палке новенькие Опанасовы сапоги, от которых так и разило дёгтем по всей плотине. — Вот какой скорый! — подумал мельник, — уж и взял себе *чоботы*» [1, 257]. Использование украинских номинаций (принадлежащих к различным частям речи) устраняет лексические повторы, усиливает выразительность повествования, подчеркивает специфику украинской устной речи.

Примечательно, что из синонимического ряда, пары русских лексем писатель избирает те, которые характерны и для украинского языка (т. е. общие для лексики двух языков), что, несомненно, придает произведению более украинский дух. Такие лексемы могут не только преобладать в тексте в сравнении с возможным единичным употреблением других русских слов (например, укр. *гать* / рус. «запруда, гать»; укр. *сорочка* / рус. «рубаха, рубашка, сорочка»; укр. *верба* / рус. «верба, раки́та, ветла, ива»; укр. *круча* / рус. «круча, обрыв, откос»; укр. *паскудный* / рус. «гадкий, скверный, поганный, дрянной, паскудный», где «поганный», в свою очередь, номинирует «по-украински» рус. «плохой» и т. д.), но и употребляться единственно, без других русских вариантов (укр. *тин*, *перелаз* / рус. «тын, перелаз, плетень, изгородь»; укр. *бугай* / рус. «бугай, выпь»; укр. *явор* / рус. «явор, клён»; укр. *рудой* / рус. «рыжий, рудой»).

Фиксируемые украинские адъективы являются производными от знаковых украинских культурем или служат для их определения (корчма — «*корчемная* дверь»; громада — «*громадские* люди»; «*смушковая* шапка»), употребляются в устойчивых словосочетаниях. Некоторые украинские прилагательные используются в рассказе как более колоритные и выразительные атрибуты, как краткие, однословные номинации («Я тебе *щирую* правду говорю...» [1, 252]; «Какая ты, Галя, *ласая*. Сейчас тебе и рушники» [1, 240], *ласый* — в зн. «пристрастный к чему-либо»), как разговорно-сниженная, эмоциональная лексика («*скаженная* девка»).

При обозначении действий В.Г. Короленко использует целый спектр украинских глаголов и их форм, которые образно и ярко отражают занятия главных героев, динамику лиц и состояние неодушевленных реалий в целом: *мандровать* (в зн. «держат путь куда-либо, идти»; «уходить», например: «Вот оно что! — догадался наймит, — прямо в город /облако. — Т.П./ *мандрует...*» [1, 238]; «Так и есть, на мельнице пусто, а он, лодырь, опять *помандровал* на село, к девкам» [1, 243]); *поспешать* («спешить»; «...видно, опять Хапун в город *поспешает* за добычей» [1, 253]); *ласовать* («быть пристрастным к чему-либо»; «Вот подойди ещё, я тебя так огрею, что ты после того забудешь *ласовать* на три года» [1, 241]). Автор употребляет глаголы, не являющиеся достоянием исключительно украинского языка. Такие лексемы отмечаются в Толковом словаре В. Даля, где в словарной статье, помимо прочих, присутствуют и пометы «южное», «юго-западное» или «малорусское». Например: *корчмарить* — «заниматься корчемным промыслом» [Даль, II, 171]; *шинковать* — «быть сидельцем или хозяином шинка, кабака..., торговать чарочной продажей питей» [Даль, IV, 633]; *отчинить* — «отворить, отпереть» [Даль, II, 767]; *похилиться* — «наклониться» [Даль, III, 366]; *подыхивать* — «дыхивать... Дуть, веять слегка» [Даль, I, 507] («Впереди уже слышно было, — так, чуть-чуть, когда *подыхивал* ночной ветерок, — как сонная вода звенит в лото́ках» [1, 242]); *хапнуть* — «хапнуть, ха́пывать, хватать...» [Даль, IV, 542]

(«Я сам знаю, как вы меня сразу *хапину́ли*, что я не успел даже и крикнуть» [1, 245]). Подобные глаголы могут принадлежать современному украинскому языку и в то же время характеризоваться областным (диалектным) русским употреблением, например, *вечерять* — «пенз., смол., новг. ... ужинать» [Даль, I, 189] («Должно быть, у старухи с дочкой нечем было *вечерять*, незачем было и светить» [1, 240]); *брехать* — «юж. и запд. лаять, гавкать, как собака; лгать, врать, говорить... на ветер; хвастать; клеветать; в зн. *лгать*, слово это встречается и в других губ., напр. в нижг. и птрб. || Влгд. и вят. кричать, шуметь, драть горло в брани...» [Даль, I, 127] («— *Брешешь, бре- шешь*, как рудая собака» [1, 241]). В тексте используются глагольные формы, обладающие несколько отличным семантическим наполнением в украинском и русском языках (например, *малевать* — укр. «рисовать»: «...двери, на которых были *намалеваны*... кварта, рюмка...» [1, 240], ср. в рус. «рас- писывать красками, писать грубо кистью» [Даль, II, 292]; также *брехать* — укр. «врать, лгать» и рус. диал. «...Влгд. и вят. кричать, шуметь, орать...; ругаться, браниться» [Даль, I, 127]). Фиксируются глаголы с общностью формы и зна- чения на определенном этапе развития восточнославянских языков (напри- мер, *засвечать*: «Филипп от него, да за дверь..., да поскорее *засвечать* огни, чтобы не было так страшно...» [1, 259]; ср. «засвечивать или засвечать; засветить что, зажигать для света, для освещенья...» [Даль, I, 634] и «засвічу- вати 1. ...Запалювати що-небудь для освітлення, викликати свічення чогось...» [СУМ, III, 303]), глагольные формы, имеющие разностилевую принадлежность в украинском и русском языках (например, *намалеваться* — перен., укр. лит./ рус. разг. «употребить спиртное в большом количестве, напиться»: «Видит чертяка, что подсыпка совсем пьян... — Здравствуйте, — говорит, — добрый человек! А где это вы так *намалевались*?» [1, 254]; а также *малевать, ожениться* [УРС, 400, 356, 462]).

Выбор глагольных форм, находящихся на «границе» двух лингвокультур, бесспорно, украинизирует русский дискурс.

Украинские наречия, служебные части речи и вводные слова пред- ставлены в рассказе во всем многообразии. Они передают состояние души «громадян», определяют натуру действующих лиц, отражают особенности украинской устной речи (*низенько, раненько, особливо, сумно, обридло, край* /рус. «около»/; *геть, «от так», «ой, лихо», ге, цур, цоб-бе, «вот таки-так»; часом*), например: «... что-то *сумно* на душе, — и жутко, и жалко» [1, 238]; «— *Геть!* — крикнула она так сердито, что мельник попятился назад» [1, 241]; «Дурная и я была, что позволяла вам до зари вот тут простаивать... *Ой, лихо* мне!» [1, 242]; «— *Тьфу!* Мне на них (на девок. — Т.П.) и смотреть уже на ново-каменских *обридло*. Ни одной по мне нет» [1, 247]. Предлоги (*по-за, по-над*) придают произведению особую национальную поэтичность: «Мельник прошел не более десяти сажень, как в садочке *по-за* тыном что-то зашуршало и зашу- мело...» [1, 240]; «Глядь, а в воде *по-над* звездами будто комарик летит...» [1, 253].

Текст, построенный преимущественно на диалогах, дает писателю воз- можность использовать характерные для украинского языка синтаксические конструкции — побуждения («вот так, вот-таки так его...»), обращения-при- ветствия («здоровеньки были!»); элементы украинского фольклора — пого- ворки («моя хата с краю, я ничего не знаю»), заклинание («цур тобі, пек тобі»). В.Г. Короленко вводит в рассказ украинские песенно-поэтические строки с элементами вкрапления («Пропил свитку и чоботья, / И шапку с затылка... / А у мельника в шиночке / Хороша горілка»; «А у мельника в шиночке / Хороша горілка ... / Ой, горілки две бутылки, / И... воды бутылка...» [1, 255]), сам же рассказ предваряется эпиграфом — цитированием украинского поэта Тараса

Шевченко. Писатель осуществляет собственный перевод таинственно-романтических строк поэмы «Відьма» (ср. у Шевченко: «Огонь погас, а місяць сходить, /В яру пасеться вовкулак» [4, 294] и у Короленко: «Огонь погас, а місяць всходить. /В лесу пасеться волколак» [1, 236]), максимально приближая их звучание к оригинальному и, в особенности, звучание украинского этнографизма (укр. «вовкулак» — рус. «оборотень, вурдалак» [УРС, 105]). Украинская поэзия в переводе В.Г. Короленко предстает как фольклорный компонент украинской лингвокультуры, который гармонирует с нижеследующим текстом (ср., например, с «чисто» русским переводом, выполненным П. Антокольским, где «теряется» украинский дух, специфика украинского национального колорита: «Огонь погас, луна всходит, /В овраге ходит вурдалак» [5, 361]).

Способы авторского перевода украинизмов различны. Присутствуют сноски, которые могут быть очень широкими и точными толкованиями культурем: «Когда был еще *подсыпкой** да со мной женихался... *Подсыпка — работник на мельнице, засыпающий зерно на жернова»; «— Ну, что мука?.. За муку сколько следовало? — По *копе**, вот сколько!.. *Копе — в малороссийском счете значит 60. Копе грошей — 30 коп.» [1, 241]. Писатель прибегает к подбору русских синонимов и дает их непосредственно в тексте, в скобках в постпозиции: «И сидели себе старые люди на *призьбах* (заваленках), а молодые под тынами...» [1, 237]; «— Пускай его потрясет *трясця* (лихорадка)!» [1, 257]. В.Г. Короленко использует оригинальные приемы — раскрывает семантику слова (или шире — например, поговорки) посредством перечисления близких по значению русских лексем, поговорок/прибауток, сопоставляя тем самым две, а то и более, лингвокультуры. Например: «— Я ширлатан? Нет, это вы сами ширлатан, шейгиц, *лайдак*, паршивец!» [1, 254]; «Что мне было мешаться в это дело? *Моя хата с краю*, я ничего не знаю. Ешь пирог с грибами, а держи язык за зубами; дурень кричит, а разумный молчит... Вот и я себе молчал!..» [1, 248].

Согласно тематике «Малороссийской легенды» в произведении выделяется особая группа лексем, характерных для речи жителей украинского села. Это украинские номинации реалий еврейской культуры, предметов быта и т. д. (*балагула*, *бебехи*, *патынки*). В.Г. Короленко подчеркнуто характеризует такие культуремы, как распространенные в Украине, «в маленьких городишках Юго-западного края» [1, 236, 239], толкование понятий осуществляет рассмотренными методами (например, авторской сноской) или прибегает к развернутому пояснению в постпозиции, содержащему лишь намек на значение номинации, использует средства графосемантики. Например: «— Что такое? Что, я тебе в *балагулы**, что ли, нанялся, возить с шабаша домой..? ... *Балагула — известный в Западном крае специально-еврейский экипаж, нечто вроде еврейского дилижанса; длинная телега, забранная холщевым верхом, запряженная парой лошадей, она бывает битком набита евреями и их рухлядью (бебехами). Балагулой же называется и возница» [1, 244-245] (ср.: «Балагула — заст. 1. Критий дорожній віз... 2. Візник на такому возі» [СУМ, I, 93]); «Вот собрала Янкелиха своих бахорей, продала за бесценок «бебехи» ... и побрела пешком из Новой-Каменки» [1, 249] (ср. с толкованием прямого и единственного значения лексемы «бебехи» у В. Даля: «... мн. юж. животы, черева, кишки» [Даль, I, 57] и современным значением украинизма: «1. зневажл. Подушки, взагалі пожитки; манатки...» [СУМ, I, 117]; «... разг. 1) манатки, пожитки; 2) внутренности...» [УРС, 283]); «А в это время, когда уже все до одного разойдутся, на полу в передней комнате сиротливо стоит себе пара «патынков» и ждет своего хозяина...»; «...другие надевают в передней «патынки» (потому что в школу /в синагогу. — Т.П./ входят в одних чулках) и тихо расходятся по

домам» [1, 239] («патінки — заст. Туфлі без закаблуків у деяких східних народів» [СУМ, VI, 93-94]).

Український лінгвокомпонент має важке значення в творчестві В.Г. Короленко. Він виконує культурологічну функцію і вирішує художественні задачі. Через українські культуремі і українську лексику в значительному об'ємі виписуються історичні, побутові, картографічні і інші риси певної епохи, виражаються одночасно поезія і сурова дійсність деревенської життя України; події «седої старини» приймають форму живих художественних картин, а українські національні типи виростають в прекрасні очерчені фігури. «Українізація» російського дискурсу різними прийомами чітко відображає національні симпатії письменника: його творчість проникнута любов'ю до України, її жителів, зображення українського побуту і звичаїв в цілому носить відбиток романтизму. Використання елементів, притаманних українській розмовній мові і народній поезії, надає творінням ліричний відтінок, підкреслює яскраву самобутність рідної мови героїв-українців.

Розглянутий літературний матеріал з повним правом можна назвати етнічно-національним (відносно української культури), так як письменнику з допомогою українських мовних засобів вдалося відтворити історичний фрагмент українського побуту в його найбільш яскравих і типових проявах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короленко В.Г. Избранные произведения. — М., 1948. — 672 с.
2. Можейко Н.С., Игнатенко А.П. Древнерусский язык. — Мн., 1978. — 256 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000. — 624 с.
4. Шевченко Тарас. Кобзар. — К., 1961. — 608 с.
5. Шевченко Тарас. Кобзарь / Пер. с украинского под ред. А.Дейга, М. Рыльского и Н. Ушакова. — М., 1954. — 744 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Даль** — Даль В. Толковый словарь живого великорусского слова: В 4 т. — М., 1955.
СРЯ — Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. — М., 1984. — 797 с.
СУМ — Словник української мови: В 11 т. — К., 1975.
УРС — Українсько-російський словник. — К., 1977. — 944 с.

Г.М. Семененко

СКЛАДНОПІДРЯДНІ РЕЧЕННЯ З ДЕКІЛЬКОМА ПІДРЯДНИМИ ПРИЧИНОВИМИ, ЩО ВІДНОСЯТЬСЯ ДО ОДНОГО ГОЛОВНОГО, В ДАВНЬОАНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Посилення інтересу до синтаксичних студій припадає на другу половину ХХ ст., коли центр дослідницької уваги був поступово зміщений зі слова на речення завдяки працям Н.Хомського [6] та його послідовників [8; 9; 10; 11; 12]. Проте, розвиток синтаксичної системи англійської мови досліджено не в повному обсязі й не на всіх етапах історії англійської мови, особливо це стосується історії складнопідрядного речення.

Відповідно, актуальним є висвітлення проблеми англійських складнопідрядних речень з декількома підрядними, що відносяться до одного головного з урахуванням нових критеріїв аналізу речення, які виявляються релевантними для здійснення розвідок із зазначених питань як у синхронії, так і діахронії. Метою даного дослідження є аналіз складнопідрядних речень з декількома підрядними причиновими, що відносяться до одного головного речення, в давньоанглійській мові.